

Вера Полозкова Работа горя

Вера Николаевна Полозкова

Работа горя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63097502

Работа горя:

ISBN 978-5-907056-60-2

Аннотация

Вера Полозкова – поэтесса, автор сборников «Фотосинтез», «Непоэмание», «Осточерчение», «Ответственный ребёнок». «Работа горя» – новая долгожданная книга поэзии, включающая в себя сотню стихотворений, написанных за восемь лет.

Книга издается в авторской редакции.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

«— что ты мне привезла...»	6
«мне снится, что мы любовники: мускулы под кожей...»	7
«решишься — знай: душа одноэтажна...»	8
«прятаться от перемен во флоренции...»	9
«то, что заставляет покрыться патиной бронзу, медь...»	11
«нет, мой сын, надо мной не всегда шёл снег...»	13
«а на третий год меня выпустят...»	15
«знаешь, если искать врага — обретаешь его в любом...»	17
«гроза рыщет в небе...»	18
птица	20
««Тут соло, про тебя второй куплет»...»	22
«загадал, когда вырасту, стать никем...»	24
«завтра придёт, с невесомой девочкой, при костюме...»	25
«а на первый взгляд, мёртвые берега: ни геолога, ни ночлега...»	27
«сутулые, в темноте...»	29
«вскинуться на конечном контроле...»	31
что рассказал шанкар своему другу раджу, когда вернулся домой	33

«край у нас широк, изобилен...»	36
«кроме балагуров, унявшихся в прежней наглости...»	38
«я был тоже юн здесь. тогда люты...»	40
колыбельная для ф.а	42
«начинаешь скулить, как пёс, безъязыкий нечеловек...»	43
«сойди и погляди, непогрешим...»	44
«словно гибкое дерево, по утрам...»	45
«вы, торговцы святым с колёс...»	46
«да-да, родная, если и делить...»	48
«на бронной, у большого клёна...»	50
«а мы жили тогда легко: серебро и мёд...»	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Вера Полозкова

Работа горя

© Вера Полозкова, 2020

© Издательство «Лайвбук», оформление, 2020

© Юлия Маноцкова, макет и оформление, 2020

«– ЧТО ТЫ МНЕ ПРИВЕЗЛА...»

– что ты мне привезла?

мама, что ты мне привезла?

*– это холодок родника в июле,
следа велосипедного кривизна,
маленькие радуги-лигатуры,
песни, слышимые допоздна.*

– мама, почему слова твои соль и пепел?

голос можжевельник и куркума?

*почему ты других исцеляешь лучше,
чем умеешь вылечить сама?*

– я помогаю людям с работой горя.

я чиню проигрыватели ума.

– если бы я был учёный-изобретатель,

мы какой бы построили аппарат?

– тот, что очищал бы дома от смерти.

был бы измельчитель утрат.

– что бывает, мама, со старым горем,

аккуратно смолотым на свету?

*– оно просто раскладывается на книгу
и темноту.*

«МНЕ СНИТСЯ, ЧТО МЫ ЛЮБОВНИКИ: МУСКУЛЫ ПОД КОЖЕЙ...»

мне снится, что мы любовники: мускулы под кожей
ходят как у борющихся пантер.
ты опасный трескучий ток, ты поток безбожный
колкого электричества в несколько сот ампер;
вечером нам вместе играть: густой черноте над ложей,
черноте, которой укрыт партер.

не дай мне узнать, как замрёт и дрогнет под поцелуем
бровь, висок, и мочка, и шея возле волос;
из-за шутки и шалости, неминуем,
хлынет жадный огонь, будто солнце разорвалось.
как я стану предателем и умру им;
обладают весело, лгут всерьёз.

утро, репетиция, ты дурачишься; нет решения.
прядь горит нестерпимым золотом на свету.
кто-то лепил тебя так любовно и совершенно —
большого я вовеки не обрету.
ты смеешься при взятом в зубы карандаше, и
я праздную поражение и наготу.

17 марта 2013

«решишься – знай: душа одноэтажна...»

решишься – знай: душа одноэтажна,
и окна до полу, и мебели почти
что нет. терять естественно и важно,
иначе будет некуда найти.

увидишь: все начнут из ужаса глухого
то призывать, то клясть свой будущий уход.
и ты умрёшь. и ничего плохого
поверь, при этом не произойдёт.

природа вообще не копит за квартирой
ни сплетен, ни людей, ни пауз, ни причин:
носи себя пустым, ходи и резонируй.
записывай, где хорошо звучим.

1 апреля 2013

«прятаться от перемен во флоренции...»

прятаться от перемен во флоренции,
как в бочонке с гранитным дном;
будущего здесь два века не видели ни в одном
закоулке; певцам, пиратам и партизанам
полную тарелку истории с базиликом и пармезаном
подают в trattorie с выдержанным вином

кукольные площади, детские музеи, парад теснот,
черепичные клавиши: солнце ходит, касаясь нот;
исус христос, рисуемый мелом мокрым
на асфальте; и я могу быть здесь только огром,
вышедшим из леса с дубиной и сбитым в секунду с ног

ливня плотное волокно едет, словно струны, через окно,
чертит карту, где, крошечные, попарно
стянуты мостами через зеленые воды арно
улицы выходят из мглы, как каменное кино

только у меня внутри брошенные станции, пустыри
снегу намело по самые фонари
полная луна в небе, воспаленном, как от ожога
смотрит на меня бесстрастно, как на чужого
потерявшегося ребёнка в глазок двери

зиму в генераторе видов не выключают четвёртый год,
мандарины дольками по одной отправляя в рот,
мы сидим с моим лучшим другом, великим князем,
и глядим, как грядущее, не узнав нас, ложится наземь,
затихает и заворачивается в лёд.

6 апреля 2013

«то, что заставляет покрыться патиной бронзу, медь...»

то, что заставляет покрыться патиной бронзу, медь,
серебро, амальгаму зеркала потемнеть,
от чего у фасадов белых черны подглазья, —
обнимает тебя в венеции, как свою.
смерть страшна и безлика только в моём краю.
здесь она догаресса разнообразья.

всюду ей почёт, всюду она, праздничная, течёт
восхищённых зевак она тысячами влечёт,
утверждая блеск, что был у неё украден.
объедая сваи, кирпич и камень, и всякий гвоздь,
она держит в руке венецию будто гроздь
золотых виноградин

и дома стоят вдоль канала в одну черту,
как неровные зубы в щербатом рту
старого пропойцы, а мы, как слово весёлой брани
проплываем вдоль оголённой десны, щеки
молодые жадные самозванцы, временщики,
объективом к открытой ране

вся эта подробная прелесть, к которой глаз не привык,
вся эта старинная нежность, парализующая живых,

вся безмятежность тихая сан-микеле —
лишь о том, что ты не закончишься сразу весь,
что тебя по чуть-чуть убывает сейчас и здесь,
как и мостовой, и вообще истории, еле-еле.

приезжай весной, бери карандаш с мягким грифелем
и тетрадь
и садись на набережной пить кофе и умирать,

слушать, как внутри потолочные балки трещат, ветшая,
распадаться на битый мрамор, труху и мел,
наблюдать, как вода отнимает ласково, что имел:
изумрудная, слабая, небольшая.

14 апреля 2013

«нет, мой сын, надо мной не всегда шёл снег...»

нет, мой сын, надо мной не всегда шёл снег,
он не так и давно возник.

я был распорядитель нег, толкователь великих книг,
заклинатель вахтёрш и магистр ордена тунейдцев,
«кудри курса» единогласно и без интриг.

да, мой сын: когда я всё мог, я был добрый маг.
я смешил востроглазых дев, не берёт бумаг,
арию о том, как недуги лечит портвейн «массандра»
петь умел на целый универмаг.

мир как цирковая арена не исчезал, но меня исторг.
я узнал, что правят лишь торг и мена,
что правят мена, вина и торг.
я старательно покупаю всё, о чём даже боялся грезить,
ощущая злорадство, но не восторг.

да, мой сын, теперь вы юны и, вам кажется, короли:
всё, от остроумия до весны, вы на свете изобрели, —
ну а мы унылые сгустки скорби и беспокойства,
старые неудачники и ввали.

и ты прав, и я буду глуп, если это значит, что мы враги,

только не суди никого, не лги и всегда отдавай долги,
только когда приведут в кабинет с портретом, предложат
кресло,
разворачивайся,
беги.

1 мая 2013

«а на третий год меня выпустят...»

а на третий год меня выпустят,
я приду приникнуть к твоим воротам.
тебя кликнет охранник,
ты выйдешь и спросишь – кто там?

мы рискнём говорить, если б говорили ожог и лёд,
не молчали бы чёрт и ладан:
«есть порядок вещей, увы, он не нами задан;
я боюсь тебя, я мертвею внутри, как от ужаса или чуда,
столько людей, почему все смотрят, уйдём отсюда.

кончилась моя юность, принц дикий лебедь,
моя всеильная, огневая,
я гляжу на тебя, по контуру выгнивая;
здорово, что тебя, не задев и пальцем, обходят годы,
здорово, что у тебя, как прежде,
нет мне ни милости, ни свободы

я не знаю, что вообще любовь, кроме вечной жажды
пламенем объатым лицом лечь в снег этих рук однажды,
есть ли у меня ещё смысл, кроме губельного блаженства
запоминать тебя, чтоб узнать потом
по случайной десятой жеста;

дай мне напиться воздуха у волос,
и я двинусь своей дорогой,
чтобы сердце не взорвалось, не касайся меня, не трогай,
сделаем вид, как принято у земных, что мы рады встрече,
как-то простимся, пожмём плечами, уроним плечи»

если тебя спросят, зачем ожог приходил за льдом,
не опасна его игра ли,
говори, что так собран мир, что не мы его собирали,
всякий завоеватель раз в год выходит глядеть с досадой
на закат, что не взять ни хитростью, ни осадой, —

люди любят взглянуть за край,
обвариться в небесном тигле, —
а вообще идите работайте, что это вы притихли.

23 мая 2013

«знаешь, если искать врага – обретаешь его в любом...»

знаешь, если искать врага – обретаешь его в любом.
вот, пожалуй, спроси меня – мне никто не страшен:
я спокоен и прям и знаю, что впереди.
я хожу без страховки с факелом надо лбом
по стальной струне, натянутой между башен,
когда снизу кричат только: «упади».

разве они знают, чего мне стоило ремесло.
разве они видели, сколько раз я орал и плакал.
разве ступят на ветер, нащупав его изгиб.
они думают, я дурак, которому повезло.
если я отвечу им, я не удержу над бровями факел.
если я отвечу им, я погиб.

23 июня 2013. Ришикеш

«гроза рыщет в небе...»

гроза рыщет в небе,
свирепая, как фельдфебель,
вышибает двери, ломает мебель,
громом чей-то рояль, замычав утробно,
с лестницы обрушивается дробно.

дождь обходит пешим
дороги над ришикешем,
мокрая обезьяна глядит настоящим лешим,
влага ест штукатурку, мнёт древесину, коробит книги, —
вода выросла с дом, и я в ней снимаю флигель.

голову на локоть,
есть ли кому здесь плакать,
твердь и так вминается, словно мякоть
перезрелого манго и мажет липким,
безразлична к твоим прозрениям и ошибкам;

сквозь москитную сетку
глядит на вечность, свою соседку,
седовласый индус, на полу разложив газетку,
чистит фрукты и режет дольками, напевая
«ом намо бхагавате васудевайя»

города и числа, —
больше никакого в тебе нет смысла,
столько лет от себя бежала и вот зависла
там, где категория времени бесполезна как таковая:
ом намо бхагавате васудевайя.

27 июня 2013. Ришикеш

птица

волшебнику, на день рождения

Мой друг скарификатор рисует на людях шрамами, обу —

чаёт их мастерству добровольной боли. Просит уважать её суть, доверяться, не быть упрямыми, не топить её в шутке, в панике, в алкоголе. Он преподаёт её как науку, язык и таинство, он знаком со всеми её законами и чер — тами. И кровавые раны под его пальцами заплетаются дивными узорами, знаками и цветами.

Я живу при ашраме, я учусь миру, трезвости, монотон — ности, пресности, дисциплине. Ум воспитывать нужно ровно, как и надрез вести вдоль по трепетной и нагой человеческой глине. Я хочу уметь принимать свою боль без ужаса, наблюдать её как один из процессов в теле. Я надеюсь, что мне однажды достанет мужества отказать ей в её огромности, власти, цели.

Потому что болью налито всё, и довольно страшную — из неё не свить ни стишка, ни бегства, ни куклы вуду; сколько

ни иду, никак её не откашливаю, сколько ни реву, никак её не избуду. Кроме боли, нет никакого иного опыта, ею

за —

дано всё, она требует подчиниться. И поэтому я встаю на заре без ропота, я служу и молюсь, я прилежная ученица.

Вырежи на мне птицу, серебряного пера, от рожденья правую, не боящуюся ни шторма, ни голода, ни обвала. Вырежи и залей самой жгучей своей растравою, чтоб поглубже въедалась, помедленней заживала. Пусть она будет, Господи, мне наградою, пусть в ней вечно таится искомая мною сила. Пусть бы из холодного ада, куда я падаю, за минуту до мрака она меня выносила.

30 июня 2013

Ришикеш

««Тут соло, про тебя второй куплет»...»

«Тут соло, про тебя второй куплет».
Ей кажется, ей триста сорок лет.
Он написал ей пять влюблённых песен.
Она кивает, пряча лоб во тьму,
И отвечает мысленно ему,
Но более себе: «Труха и плесень».

Он зной; зарница; певчее дитя.
Он, кажется, ликует, обретя
В ней дух викторианского романа.
И поцелуи с губ его текут,
Как масло ги, как пенье, как лоскут
Солёного слоистого тумана.

Июль разлёгся в городе пустом
Котом и средоточием истом
И все бульвары сумерками выстлал,
Как синим шёлком; первая звезда,
Как будто кто-то выстрелил сюда:
Все повернули головы на выстрел.

Спор мягкости и точного ума,
Сама себе принцесса и тюрьма,

Сама себе свеча и гулкий мрамор,
Отвергнутость изжив, словно чуму,
Она не хочет помнить, по кому
Своим приказом вечно носит траур.

Она его, то маясь, то грубя,
Как будто укрывает от себя,
От сил, что по ночам проводят обыск:
Ни слова кроме вежливого льда.
Но он при шутке ловит иногда
Её улыбки драгоценный проблеск.

Её в метро случайно углядев,
Сговорчивых и дерзких здешних дев
Он избегает. Пламенем капризным
Пронизанный, нутро ему скормив,
Он чувствует какой-то старый миф.
Он как-то знает, для чего он призван.

Так циферблат раскручивают вспять.
Дай Бог, дай Бог ему досочинять
Ей песни эти, чтоб кипело всё там
От нежности прямой, когда домой
Она придёт и скажет «милый мой»
И станет плакать, будто в семисотом.

14 июля 2013. Ришикеш

«загадал, когда вырасту, стать никем...»

загадал, когда вырасту, стать никем.
камер видеонаблюдения двойником.
абсолютно каждым, как манекен.
мыслящим сквозняком.

как оступишься в биографию – сразу жуть,
сколько предписаний выполнить надлежит.
сразу скажут: тебе нельзя быть листок и жук.
надо взрослый мужик.

нет, я мудрый ящер, живущий среди пещер.
иногда я склоняюсь к спящему под плащом
и пою ему на ухо: мир бесконечно щедр.
ты теперь прощён.

19 сентября 2013

«завтра придёт, с невесомой девочкой, при костюме...»

*и вот проснулись они и узрели что наги
и что зря встают пацанам поперёк дороги.
лев оборин*

завтра придёт, с невесомой девочкой, при костюме
посмотреть, как я буду трещать костями

станут, глядя, как шкура ходит на мне буграми
комментировать фоточки в инстаграме

завтра выскажется новая привереда
о моей духовности дауншифтерского извода

ничего личного, встань, паши, ломовая лошадь,
тут не только тебя, тут самих себя не умеют слушать

знай прокладывай борозду, сей, не спрашивай урожая,
ремесло спасает своих, само себя продолжая

что бы они все ни орали, как бы ни доводили,
ты неуязвима, пока при деле

для того нам и дали тяжести, даже боли,

чтобы мы что-то весили.
не упали.

4 октября 2013

«а на первый взгляд, мёртвые берега: ни геолога, ни ночлега...»

ване алексееву

а на первый взгляд, мёртвые берега: ни геолога, ни
ночлега,
только выюга, дорога, каторга, кали-юга;
всякая книга – «десять столетий снега»,
всякая песня – «где нам искать друг друга».

но как боль неостра, бери к роднику канистры,
как стемнеет, пой у костра про года вёрсты;
женщины хохочут так, что вокруг рассыпают искры,
и глядят на тебя как сёстры.

кроме нефти, тут разной скани есть и финифти,
рюмочки готовьте, на скатерть ставьте;
старики прозрачны, как детский палец на кнопке в лифте,
всё тебе расскажут и о вожде, и о космонавте.

медицина здесь угрожает здоровью, врачи – лечению,
бездна часто подходит к самому изголовью,
между мифом и явью много веков кочевье,
постигаемое не логикой, но любовью.

но как боль неостра, сразу кажется: столько детства,
столько мудрого юмора, горестного богатства.
стоит, чудится, пообвыкнуться, оглядеться —
и всему пригодится,
сбыться
и оправдаться.

24 ноября 2013

«сутулые, в темноте...»

сутулые, в темноте
ещё посидим вдвоём.
признаем, что мы не те,
за кого себя выдаём.

комнату, где спим,
мебель и весь хлам
вытащим из-за спин,
разломим напополам.

будет тугой ком
у каждого в рюкзаке.
прощаются на каком
чёртовом языке?

том же, что был мал,
весел и необжит,
если соединял?
им же и надлежит:

мы были близки
так, что и свет мерк.
сразу в конце тоски —
поезд наверх.

2 января 2014

«Вскинуться на конечном контроле...»

вскинуться на конечном контроле,
в безлюдном солнечном терминале
господи, какую мы чушь пороли,
как чужую про нас прилежно запоминали
как простые ответы из нас вытягивались клещами
сколько чистого света слабые хрусталики не вмещали
что за имена у нас бились в височной доле,
почему мы их вслух не произносили
сколько мы изучили боли, так ничего не узнав о силе

маялись, потели, пеклись о доме и капитале,
пока были при теле, рожали бы и ваяли, но мы роптали,
пересчитывали потери под нарастающий жадный рокот,
ничьей помощи не хотели, не позволяли больного трогать
подрывались в запале производить килотонны пыли
шибко много мы понимали, куда нас не развоплотили

так послушай меня, пока не объявлен вылет,
пока дух из меня, как стакан кипятка, не вылит,
но пейзаж подтаивает, как дым, не рождает эха
для меня ничто не было святым, кроме твоего смеха
он вскипал, что-то горькое обнажив, на секунду, малость
я был только тогда и жив, когда ты смеялась

21 марта 2014

что рассказал шанкар своему другу раджу, когда вернулся домой

иннокентию всеволодовичу

когда я прилетел, раджу, я решил: эти люди живут как
боги

сказочные пустые аэропорты, невиданные дороги

целое стекло в окне и фаянсовый унитаз даже
в самой простой квартире
счастливы живущие здесь, сказал,
как немногие в этом мире

парки их необъятны, раджу, дома у них монолитны
но никто из их обитателей не поёт по утрам ни мантры,
ни киртана, ни молитвы

вроде бы никто из них не лентяй,
ни один из них не бездельник —
но они ничего не делают, кроме денег:

кроме денег и денег, раджу, как будто они едят их:
только пачки купюр рекламируют на плакатах

представляешь, раджу, никакой нищеты,

но вот если большая трасса —
то во всю длину вдоль неё щиты,
на которых деньги и даже – груды сырого мяса

кроме денег, раджу, как будто чтобы надеть их:
нанимают чужих людей, чтоб заботились об их детях

кроме денег, раджу,
но как попадётся навстречу нищий или калека —
так глядят, будто он недостоин имени человека

кроме денег, но не для того, раджу,
чтоб жене купить на базаре
дорогих украшений или расшитых сари

а пойти и сдать в банк, и соседям служить примером —
и ходить только в сером, и жена чтоб ходила в сером

женщины их холёны,
среди старух почти нет колченогих, дряблых
но никто из мужчин не поёт для них,
не играет для них на таблах

дети их не умирают от скверной воды,
от заразы в сезон дождей или чёрной пыли,
только я не видел, чтоб они бога благодарили

старики их живут одни, когда их душа покидает тело —
часто не находят ничьей, чтобы проводить её захотела

самое смешное, раджу, что они нас с тобой жалели:
вы там детям на хлеб наскребаете еле-еле,

спите на циновке, ни разу не были ни в театре,
ни на концерте —
люди, что друг другу по телефону желают смерти

я прожил среди них пять дней
и сбежал на шестые сутки —
я всерьёз опасался, что навсегда поврежусь в рассудке
и моя сангита аж всплеснула руками, как меня увидала:
принесла мне горячих роти и плошку дала

что с тобой, говорит, ты страшнее ракшаса,
бледнее всякого европейца,

я аж разрыдался, раджу,
надо ж было такого ужаса натерпеться

2 мая 2014. самолёт Москва-Сургут

«край у нас широк, изобилен...»

саше гаврилову

край у нас широк, изобилен,
бесконечно сакрален
сколько у нас древних зубодробилен,
вековых душераздирален

перед путешественником, где чёрен,
где ещё промышленно не освоен,
целый горизонт лежит живодёрен
и предателебоен

всяк у нас привит, обезболен,
власти абсолютно лоялен,
это слышно с каждой из колоколен,
изо всех шапкозакидален

и сладкоголосый, как сирин,
и красивый, как сталин
нами правит тот, кто всесилен
и идеален

от восторга мы не ругаемся больше матом,
не ебёмся, не курим,

нас по выходным только к банкоматам
выпускают из тюрем

в школе, без вопросов и встречных реплик,
наши детки, краса-отрада,
собирают нам из духовных скрепок
макеты ада

судя по тому, как нас вертухаи обходят хмуро,
и на звук подаются, дрогнув, —
скоро снова грянет большая литература
и кинематограф

1 июня 2014

«кроме балагуров, унявшихся в прежней наглости...»

кроме балагуров, унявшихся в прежней наглости,
престарелых красавиц, изогнутых боево —
кто ещё с нами дремлет на ветреных пляжах в августе?
только тучи и мидии, более никого.

кроме нас, выбывших из правдолюбивых, спорящих
(речи обличительны, добродетели показны),
кто ещё свидетель всей этой роскоши, этой горечи,
этой пегости, ржавчины, белизны.

потому что воюющий с адом всегда навлекает весь его
на себя,
тьма за ним смыкается, глубока.
только мы проиграли всё, это даже весело:
мы глядим, как движутся облака.

с мокрыми волосами, разжалованные, пешие,
беспользные, растерявшие что могли,
мы садимся на берегу пожинать поспевшие
колыбельные, штормы, закаты и корабли.

да, мы слышали: хрипнет мир, и земля шатается,
как дурное корыто, стремится в небытие.

шарлатаны вершат свои шарлатанцы и шарлатаинства.
может, только это удерживает её.

27 августа 2014

«Я БЫЛ ТОЖЕ ЮН ЗДЕСЬ. ТОГДА ЛЮТЫ...»

тате кеплер

я был тоже юн здесь. тогда люты
были нравы панкующей школоты.
я был так бессмертен, что вряд ли ты
веришь в это, настолько теперь я жалок.

я писал здесь песни, и из любой
кухни подпевали мне вразнобой;
я царил и ссорил между собой
непокорных маленьких парижанок.

я ел жизнь руками, глазел вокруг.
полбутылки виски в кармане брюк.
я был даровит – мне сходило с рук.
мне пришлось особое приглашенье.

лишь тогда и можно быть циркачом,
когда ангел стоит за тобой с мечом —
он потом исчезнет, и ты ни в чём
не найдешь себе утешенья.

я жил в доме с мозаикой – кварц, агат.

я мог год путешествовать наугад.
но пока писалось, я был богат,
как открывший землю.
(проговорив-то

вслух это тебе, я только больной урод,
чемодан несвежих чужих острот,
улыбнёшься девушке – полный рот
чёрного толчёного шрифта).

двадцать лет в булони или шайо
люди раскупали моё враньё.
я не знал, что истрачивал не своё.
что разменивал божью милость.

а теперь стал равен себе – клошар.
юность отбирается, как и дар —
много лет ты лжёшь себе, что не стар.
лжёшь, что ничего не переменялось.

22 октября 2014. Париж

колыбельная для ф.а

засыпай, мой сын, и скорее плыви, плыви
словно в маленькой джонке из золотой травы
вдоль коричневой ганги в синий фонтан тревии
принеси людям весть с холодной изнанки смерти,
с видимого края любви

засыпай, моя радость, и убегай, теки,
словно лунное масло, в долины и родники,
в голубые лиманы, на дальние маяки
погружая в питерские сугробы, в пески гокарны
сразу обе руки

засыпай легко, моё сердце, и мчи, и мчи
сквозь базары стамбула, их свечи и калачи,
суматоху вокзалов в маргао и урумчи, —
прокричи всем, давайте праздновать, я вернулся,
бриджабаси и москвичи

8 января 2015 года

«начинаешь скулить, как пёс, безъязыкий нечеловек...»

начинаешь скулить, как пёс, безъязыкий нечеловек:
там вокруг историю взрывом отшвыривает назад,
а здесь ветер идёт сквозь лес, обдувая, как пену, снег,
так, что лёгких не хватит это пересказать

через толщу смерти, через тугой реактивный гул
того будущего, что прёт, как кислотный дождь:
говори всё как есть, говори через не могу
говори словно точно знаешь, на что идёшь

никогда не поймёшь, что прав, не почувствуешь, как
богат

разве только четверостишие, в такт ходьбе
пробормочет старик, покидающий снегопад,
и печально разулыбается сам себе

3 февраля 2015

«сойди и погляди, непогрешим...»

сойди и погляди, непогрешим
на нас, не соблюдающих режим,
чванливых, не умеющих молиться,
поумиляйся, что у нас за лица,
когда мы грезим, что мы совершим

мы купим бар у моря. мы споём
по телеку о городе своём
мы женимся на девушке с квартирой
кури и ничего не комментируй
уже недолго, через час подъём

как горизонт погаснет там, вдали,
ничком, с ноздрями, полными земли
мы все домой вернёмся, пустомели.
мы ничего предвидеть не умели.
мы всё могли.

20 февраля 2015

«СЛОВНО ГИБКОЕ ДЕРЕВО, ПО УТРАМ...»

словно гибкое дерево, по утрам
солнце через окна вырастает в храм;
стелется туман вдоль низин,
глубоко вздыхает эчмиадзин,
набирая воздух в колокола.
моя девочка, как спала?

через главные площади, вдоль мостов
над севаном-озером, сквозь ростов,
где твой дед сидит с удочкой, не шумя —
не мелькнёт ли чья-нибудь чешуя —
над москвой, где услышу я,
а старушка темза, поймав с высот,
на руке тебе принесёт:

этот нежный, южный, нездешний звон
прилетит на мэрилибон,
где дороги будут ему тесны, —
звону новой, первой твоей весны —
он поёт тебе из-за стен и рам:
«ты красавица, мариам»

6 апреля 2015

«ВЫ, ТОРГОВЦЫ СВЯТЫМ С КОЛЁС...»

вы, торговцы святым с колёс,
устроители тайных месс,
продавцы ритуальных слёз,
сочинители чёрных пьес;

мы, стареющие, увы,
власти этой степи большой,
боги топлива и жратвы,
постановщики войн и шоу,
вот такую вот шваль, как вы,
ненавидящие душой;

значит, мы вас собрали здесь,
так сказать, разместить заказ:
мы из вас выбиваем спесь,
вы садитесь бессмертить нас:

и шизофазию наших речей,
и мутации наших лиц —
всё запечатлейте до мелочей,
всё запомните до крупниц.

чтобы без посторонних глаз,
очень тихо, ведь сдаст любой, —

рассказать сыновьям о нас,
вдохновить их своей борьбой

за влияние на умы
вас распнёт потом большинство:
мы нормальные силы тьмы.
нам забвенье страшней всего.

так что, мастера хорошо приврать,
даровитые дураки:
открываем-ка все тетрадь,
пишем с красной строки

9 апреля 2015

«да-да, родная, если и делить...»

да-да, родная, если и делить
хлеб языка великого, то вот с кем
гляди, тебя опять пинает бродским
коммуникационный инвалид

скорей на улицу, где ждет тебя хёндай
солярис бежевый с водителем исланом
ныряй в большой волоколамский слалом
и наблюдай

ты видела: чиновники, менты
едва заговоришь, уходят в плечи.
ничто не отделяет, кроме речи,
от темноты

легко быть ломким умницей с судьбой
среди узких дев с лирической хворобой,
а ты давай-ка без страховки пробуй
пребыть собой

отстаивай, завинчивай в умы
свои кавычки, суффиксы, артикли
там, где к формулировкам не привыкли
длиннее ы

они умеют и азарт, и труд,
смешать с землей в зверином наступившем
но как мы говорим и что мы пишем
не отберут

слыви позёркой, выскочкой, святой,
оспаривай, сдавай пустые бланки,
но сложности не сдай им ни фаланги,
ни запятой

16 мая 2015

«на бронной, у большого клёна...»

на бронной, у большого клёна
уселась пятая колонна
друг другу бродского читать
куда мы вывезем, григорий,
груз идиом и аллегорий,
и общих мифов
и цитат

как их измерить габаритность?
мы ищем, кто отговорит нас,
ладонь над правым рукавом:
— чего? «в словесности»? «элите»?
давайте, выблядки, валите,
не оборачиваясь,
вон

ещё, шутить о старом-добром,
покуда чемодан не собран,
и над москвой весёлый зной
и дети знают, как по-русски
«капустницы» и «трясогузки»
и «ряженка»
и «нарезной»

27 мая 2015

«а мы жили тогда легко: серебро и мёд...»

а мы жили тогда легко: серебро и мёд
летнего заката не гасли ночь напролёт

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.